

Иштван САБО

ОБ ЯСУДЗИРО ОДЗУ

Мы в нашей молодости жили в восхищении итальянским неореализмом и французской «новой волной»; о японском киноискусстве, напротив, мы знали очень немного.

Об Одзу сначала мне рассказала Эрика Грегор*, и в Берлине, в кинотеатре «Арсенал», я впервые увидел его важнейшие фильмы. Я был глубоко тронут простой и безыскусной ясностью, с которой он рассказывал свои истории на экране. Позже я прочитал у Ингмара Бергмана, как он находился под воздействием Одзу, и я с радостью открыл явное и отчетливое влияние Одзу в бергмановской «Персоне».

В мире, где самой большой целью кинематографиста является создание чего-то необыкновенного, предъявление личного товарного клейма и вместе с тем демонстрация неслучайной оригинальности, еще прекраснее выглядит режиссерская скромность Одзу. То, как он преподносит нам свои темы и характеры, характеризует его режиссерский метод. Ясные и точно обрисовывающие ситуацию планы, все монтажные вставки продвигают

* Эрика Грегор вместе со своим мужем Ульрихом Грегором руководит берлинским кинотеатром Немецкой Кинематеки «Арсенал» (*прим. пер.*).

нас дальше в историю или помогают лучше, глубже изучить характеры. Всё показывается с нижней точки. Не совсем снизу, не подчеркнуто, а лишь чуть-чуть, так, что мы чувствуем, что он будто с позиции ребенка взирает на вещи, которые хотел бы показать.

Актеры в фильмах Одзу естественны, без театральности, но они никогда не подчеркивают пресловутую показную «натуральность». Таким образом, естественность налицо, но очищенная, без ненужных деталей.

Монтаж концентрировал внимание на важном. Новый план возникал у Одзу только в том случае, если он хотел показать нечто новое, важное: улыбку, взгляд, движение. Характеры открываются всеми своими сторонами. Это не так просто в ситуациях, где нет никакого движения. Семья сидит вместе, пьет чай, все произносят несколько слов, смотрят друг на друга, и мы знаем определенно, кто с кем говорит, кто кому улыбается. Для Одзу являются важными простейшие человеческие чувства, и он показывает их с такой естественностью, что их можно прочитать на лице исполнителя, не чувствуя при этом режиссерского насилия.

Когда я был в Японии, кто-то показал мне могилу Одзу. На могиле гранитный блок с одним единственным иероглифом. Что это значит, спросил я. «Ничто», это означает лишь «ничто». Он лежит на кладбище, как жил и как осуществлял режиссуру: скромно.

27. 1. 2003

*I s t v á n S z a b ó. Über Yasujiro Ozu.—
In: Yasujiro Ozu. Texte zum Werk, zum Person,
zu den Filmen. Kinemathek. No. 94. Februar 2003.
Freunde der Deutschen Kinemathek e.V., Berlin*

Перевод с немецкого **А.С.Трошина**